

РЕЛИГИЯ ФИНИКИЙЦЬ ¹⁾.

3.

Въ системахъ древнихъ религій господствовалъ тотъ принципъ, который въ новѣйшее время введенъ въ естествознаніе: все ставилось въ связь по происхожденію и между всѣмъ устанавливалось взаимоотношеніе по родству. У нихъ были теогоніи и космогоніи. Имѣли ихъ финикийяне. Несомнѣнно, что въ каждой области были своя теогонія и космогонія, потому что каждая область ставила на первый планъ свое населеніе и тѣхъ боговъ, которые въ ней преимущественно почитались. Эти теогоніи и космогоніи были изложены Санхоніатомъ. Произведеніемъ Санхоніатона воспользовался Филонъ Библосскій (жилъ во II в. по Р. X. при Адрианѣ), изъ него сдѣлалъ извлеченія Евсевій Кесарійскій (*Praeparatio evangelica*), у котораго они и сохранились. Анализъ сохранившихся отрывковъ приводитъ къ такому пониманію финикийской міровой системы. Въ началѣ былъ Хаосъ (*Вогу*), и хаосъ былъ мрачный и мятущійся, и Дыханіе (*Руахъ*) носилось надъ хаосомъ. И хаосъ не имѣлъ предѣла и онъ такъ существовалъ въ теченіи вѣковъ и вѣковъ. И Дыханіе возлюбило свои собственныя начала, и произошло ихъ смѣшеніе, и это смѣшеніе было названо желаніемъ (*Шефеть*). И желаніе было причиною созданія всего, и Дыханіе не знало своего собственнаго созданія, И Дыханіе и хаосъ смѣшались, и родился Мотъ (илъ или вязкая тина), и изъ него вышли всѣ сѣмена творенія, и Мотъ былъ отцомъ всего. Мотъ

¹⁾ Продолженіе. См. Богосл. Вѣстникъ, Октябрь стр. 285—304.

имѣлъ форму яйца. И солнце, и луна, и звѣзды и великія созвѣздія засвѣтили на небѣ. Тогда явились существа, у которыхъ не было чувствъ и отъ нихъ произошли существа разумныя, и ихъ называли Тсофесамимъ (созерцающіе небо). Началась борьба элементовъ, которые стали раздѣляться между собою. Раскаты громовъ разбудили разныя существа, которыя были какъ бы во снѣ, и тогда мужскія и женскія существа стали двигаться по землѣ и по морю. И Дыханіе родило сѣверный, южный, восточный и западный Вѣтеръ. Хаосъ и западный Вѣтеръ соединились и они произвели Улома (время) и древяго (Кадмонъ) и эти произвели потомство (толедеть) и населеніе (моледеть), которые населили Финикію и почитали солнце подъ именемъ Ваала-Самимъ, какъ владыку небесъ. Уломъ и Кадмонъ родили сыновей, имена которыхъ суть свѣтъ, огонь и пламя, они ввели употребленіе огня путемъ тренія одного куска дерева о другой. Отъ нихъ явились на землѣ сыновья-гиганты (рефаимы), которые назывались Касій, Ливанъ, Антиливанъ и Фаворъ. Отъ этихъ родились Самемрумъ (поднимающійся до небесъ) и Узо (косматый). Самемрумъ жилъ на островѣ Тирѣ, гдѣ изобрѣлъ искусство строить хижины изъ камыша и папируса. Братъ его Узо, жившій несогласно съ нимъ, изобрѣлъ приготовленіе одеждъ изъ шкуръ животныхъ. Узо бмлъ первый пустившійся въ плаваніе. Отъ молніи произошелъ пожаръ въ лѣсу, покрывавшемъ островъ Тиръ. Срубивъ одно пылавшее дерево и бросивъ его въ море, Узо увидѣлъ, что оно не тонетъ, что навело его на мысль объ устройствѣ плотовъ и судовъ для плаванія. Самемрумъ имѣлъ сыновей и дочерей, изъ этого племени произошелъ Сидонъ, который изобрѣлъ рыболовство и охоту и былъ отцомъ сидонянъ. Это—сидонская космогонія. Существуетъ подобная ей библосская. Седъ (всемогущій) родилъ садимъ, которые изобрѣли построеніе домовъ. Отъ нихъ родились Елимъ и титаны. Отъ нихъ произошли Аминъ (?) и Магъ (?) изобрѣтшіе земледѣліе, Отъ нихъ родились Мизоръ (египтянинъ) и Сидикъ (справедливый). У Мизора былъ сынъ Таутъ, который изобрѣлъ письмо, а отъ Сидика родились кабиры, создавшіе мореплаваніе и медицину. Таммузь-Еліунъ (высочайшій), который погибъ жертвою дикаго животного и въ честь котораго устраютъ траурное торжество, далъ рож-

деніе человѣку, вышедшему изъ земли (Адаму и человѣческому роду, который жилъ тогда въ Гебалѣ (=Библосѣ).

Существуетъ еще третья версія. Въ ней представляется затруднительнымъ возстановленіе именъ, такъ какъ они эллинизированы. Высочайшій (Еліунъ) произвелъ небо и землю, Когда они соединились, небо и земля произвели Ела, Веиля, Дагона и Атласа. Потомъ небо имѣло много дѣтей отъ другихъ супруговъ. Разгнѣванная земля разошлась съ небомъ, и небо задумало умертвить дѣтей, которыхъ имѣла отъ своей сестры. Ель по совѣтамъ Таутъ выступилъ тогда на борьбу противъ неба, своего отца. Ель родилъ Прозерпину (судя по этому имени, у финикіянъ были божества подземнаго міра) и Минерву (Танить) Прозерпина умерла дѣвой. Съ согласія Танить и Таута Ель изобрѣлъ арканъ и коше. И Таутъ научилъ Елогимъ, происшедшихъ отъ Ела и ставшихъ его сотоварищами, магическимъ средствомъ для борьбы съ небомъ. Наконецъ, Ель достигъ того, что низложилъ могущество Неба, своего отца. Одна изъ супруговъ Неба, ставшая плѣнницею Ела, была отдана Дагону, и она родила Дагону Оамира (Вааль-Оамара), зачатого отъ Неба. Ель сталъ основателемъ города Гевала и онъ похоронилъ подъ землею своего брата Атласа (Адониса? Таммуза?). Это было сдѣлано по совѣтамъ Таута. Тогда кабирь (сторонники и родственники погребеннаго бога?), съ крайней поспѣшностію, построивъ корабли, отплыли подъ парусами, чтобы построить храмъ на горѣ Касія. Ель убилъ также своего сына Сидика и одну изъ своихъ дочерей. И небо пыталось низвергнуть Ела при помощи его трехъ дочерей — Астареть, Реи (Атаргатисъ) и Діаны (Ваалить), потомъ еще посредствомъ Имармены (Гада—судьбы, счастья) и Горы (Ноамы). Но Ель возмутилъ ихъ въ свою очередь. И небо изобрѣло веили, живые камни. Ель имѣлъ отъ Астареть семь дочерей—титанидъ (?), отъ Атаргаты семь сыновей и еще дочерей отъ Ваалтисъ. Отъ Астареть онъ имѣлъ двухъ сыновей Желаніе (Шефегъ) и Любовь (финикійское имя и божество неизвѣстно). Дагонъ изобрѣлъ плугъ и культуру пшеницы. Отъ Сидика и одной изъ титанидъ родился Эшмунъ. И Ель имѣлъ еще трехъ сыновей отъ Аргаты: втораго Ела, Ваала и Аполлона (Вааль-Самимъ?) Отъ него родились Понтъ, Тифонъ и Нерей. И Понтъ родилъ Посейдона и Сидона, кото-

рый изобрѣлъ искусство пѣнія. Вааль-Ѡамарь родилъ Мелькарта. И возгорѣлась война между Небомъ, Понтомъ и Вааломъ-Ѡамарь. И Ель, занявшій престолъ Неба, своего отца, оскотилъ его такъ, что его кровь окрасила ручьи и источники. Великая (кебирать) Астареть, Вааль-Ѡамарь и Гададь царствовали тогда съ Еломъ. И Астареть, у которой была голова коровы, проходя по землѣ, нашла звѣзду упавшую съ неба, она принесла ее на священный Тирскій островъ для того, чтобы ей воздавали религіозное почитаніе. Подобнымъ же образомъ Ель, проходя по міру, далъ своей дочери Таниль въ царство Аттику. Затѣмъ Ель, чтобы искупить оскотленіе, совершенное надъ собственнымъ отцомъ Небомъ, принесъ ему въ жертву единственнаго своего законнаго сына и онъ установилъ обрѣзаніе, подвергшись ему самъ. Его сынъ, принесенный въ жертву, назывался Мотъ (смерть). И Ель отдалъ городъ Геваль Ваалитъ, Беритъ Посейдону и Сидонъ Кабирамъ. Таутъ придумалъ изображенія боговъ, священныя письмена, религіозныя образы и онъ создалъ нисигніи царства Ела. И Ель, прибывши на югъ, отдалъ Египетъ Тауту. И все это было утверждено въ священныя книги написанныя подъ редакцію Таута семью Кабрами, сыновьями Сидика, и ихъ восьмымъ братомъ Эшмуномъ. Принявшими наслѣдство и передавшими посвященіе своимъ преемникамъ были Озирисъ и Ханаанъ, предокъ финикіянъ.

Имѣются еще варианты, развитіе и дополненіе космогоніи и мифической исторіи финикіянъ. Но они мало прибавляютъ и мало измѣняютъ изложенное. Анализируя изложенное, мы видимъ, что въ сохранившихся отрывкахъ — содержащихъ, замѣтимъ, значительные пропуски—финикійскія возрѣнія грецизированы и латинизированы, но за всѣмъ тѣмъ они излагаются съ финикійской точки зрѣнія. То обстоятельство, что въ отрывкахъ имѣются пропуски, лишаетъ возможности возстановить и установить связь между всѣми предполагаемыми въ Финикіи устроителями древняго міра (откуда явился Сидикъ въ послѣднемъ повѣствованіи?). То обстоятельство, что классическіе авторы не переводятъ только имена боговъ, но по представлявшемуся имъ сходству замѣняютъ финикійскія божества классическими, дѣлаетъ невозможнымъ возстановленіе нѣкоторыхъ именъ и выясненіе

подлиннаго характера нѣкоторыхъ финикійскихъ божествъ. Что это за безвременно умершая Прозерпина? Это имя заставляеть догадываться, что въ финикійскихъ религіозныхъ представленіяхъ существовало нѣчто подобное классическому аду и классическимъ подземнымъ богамъ. Что это за Мать, о которомъ Санхоніатонъ свидѣтельствуеть: *Θάνατος δε τοῦτον καὶ Πλούτου φοίτηξ; βρομάζονσι*. Но хотя на изложенныхъ сказаніяхъ сильно классическое вліяніе, они изложены или финикіянами или по крайней мѣрѣ людьми финикійскаго образа мыслей. Авторъ финикійской первоисторіи не забываетъ Аттики и Египта, но они явились по его представленію послѣ Финикіи и были лишь ленами финикійскихъ божествъ. Повидимому такой точки зрѣнія могъ держаться только сынъ Финикіи, но имѣющіяся у насъ данныя заставляють воздерживаться отъ подобнаго заключенія. Геродотъ былъ грекомъ и однако идеализировалъ египтянъ и ихъ вѣрованія. Увлеченія иноземнымъ и идеализація иноземнаго не представляютъ собою явленія новаго времени, но нерѣдко бывали и въ древности. Это должно помнить при спорахъ объ авторахъ древнихъ документовъ: не всегда можно опредѣлить націю и даже религію автора по его симпатіямъ. И не финикіянинъ могъ предположить Финикію міровымъ центромъ, все равно какъ не французъ, а пошехонецъ или дорогобужецъ можетъ думать, что Парижъ есть соль земли и свѣтъ міра. Финикійскія сказанія — особенно въ своемъ развитіи и подробностяхъ—имѣють сходство съ библейскими. Существуютъ два противоположныя воззрѣнія на этотъ фактъ. По мнѣнію однихъ тѣ и другія сказанія имѣють одинъ языческій источникъ, который писателями Библии былъ переработанъ въ монотеистическомъ духѣ, по мнѣнію другихъ финикійскія сказанія представляютъ собою языческое искаженіе монотеистической истины, изложенной въ Библии. Какихъ бы кто не держался религіозныхъ воззрѣній, научное безпристрастіе, думаемъ, обязываетъ отвергнуть оба эти воззрѣнія. Существуютъ предположенія, что Санхоніатонъ представляетъ собою просто миѳъ. Думаемъ, что онъ дѣйствительность. Но когда жилъ онъ? Евсевій Кесарійскій говоритъ: во время троянской войны. Для насъ такое указаніе есть опредѣленіе одного неизвѣстнаго посредствомъ другого неизвѣстнаго. Теперь время его жизни

относятъ къ эпохѣ греко-персидскихъ войнъ. Но если онъ даже жилъ въ VII—VIII в., то несомнѣнно со всякой точки зрѣнія—въ эту пору существовали и еврейскій монотеизмъ и финикійскій политеизмъ. Живое общеніе между этими націями было уже при Хирамъ и Соломонъ, т. е. за 1000 лѣтъ до Р. Х. При такихъ условіяхъ естественно, что Адамъ въ финикійской исторіи долженъ былъ занять не менѣе почетное мѣсто, чѣмъ какое было отведено Египту и Атикѣ въ географіи. Разобраться въ генезисъ и хронологіи финикійскихъ сказаній при современномъ состояніи знанія невозможно, но должно обратить вниманіе на нѣкоторыя черты этого сказанія. Въ нихъ явно выдвигаются два принципа, которые пользуются широкимъ распространеніемъ и авторитетомъ теперь, это—эвгемеризмъ и эволюціонизмъ. По Эвгемеру, боги настоящаго суть обожествленные люди прошедшаго, согласно мнѣнію многихъ современныхъ ученыхъ культъ боговъ возникъ изъ культа предковъ. Несомнѣнно, что изложенныя финикійскіе сказанія сложились у финикіянь за долго до Эвгемера (современника Александра Македонскаго), но видимъ, они сложились уже по тѣмъ началамъ, которыя Эвгемеръ и въ измѣненномъ видѣ ученые XIX вѣка, возвели въ принципъ. Боги финикіянь представляются ихъ предками и въ сущности нѣкогда жившими людьми. Достаточно отбросить въ повѣствованіи о нихъ нѣкоторыя фантастическія подробности, измѣнить нѣкоторыя выраженія и указанія и они снизойдутъ до уровня обыкновенныхъ историческихъ дѣятелей. Но анализъ этихъ повѣствованій, сопоставленный съ данными о древнѣйшемъ состояніи финикійской религіи по семитическимъ памятникамъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія, что здѣсь мифологическій процессъ состоялъ не въ томъ, что образъ смертнаго человѣка превращался въ бессмертнаго бога, а наоборотъ въ томъ, что божество низводилось до человѣческаго уровня. На самомъ дѣлѣ, для того, чтобы бога Солнце превратить въ тирскаго царя, нужно дѣлать не шагъ впередъ, а нѣсколько шаговъ назадъ. За полторы тысячи лѣтъ до Р. Х. финикіяне несомнѣнно имѣли представленія о великихъ богахъ, владыкахъ неба и міра, тысячу лѣтъ спустя поэтическая фантазія такъ тѣсно сплела образы этихъ боговъ съ земною жизнію, что божественныя черты въ нихъ

совершенно отступили назадъ предъ человѣческими. Другое начало финикійскихъ сказаній эволюціонизмъ. Развитие культуры представляется въ нихъ совершающимся эволюціоннымъ путемъ. Важнымъ факторомъ является случай. Дерево, упавшее въ воду, поплыло. Это наводитъ на мысль объ утилизаціи деревьевъ для плаванія. Создаются плотъ, лодка, корабль. Конечно, открытія и изобрѣтенія совершались постепенно. Но вотъ что представляется страннымъ. Изобрѣтеніе огня, одеждъ, хижинъ и плотовъ повидимому должны далеко заходить за предѣлы исторической памяти человѣчества. Дикари Сиріи, Нильской долины и Аравійскихъ пустынь, такъ давно сжились съ этими изобрѣтеніями, что повидимому ихъ потомкамъ человѣкъ и употребленіе огня должны были казаться не разъединимыми. Финикійскія сказанія о происхожденіи культуры подсказываютъ мысль, что переходъ изъ некультурнаго состоянія въ культурное совершился незадолго предъ составленіемъ этихъ сказаній и совершился скоро. Что привело къ этой мысли финикійскихъ повѣствователей о началахъ?

4.

Первоначальными мѣстами общественнаго культа въ Финикіи были высоты (𐤍 𐤏 𐤃) При обращеніи къ божеству человѣкъ естественно выбираетъ пунктъ, гдѣбы онъ былъ ближе къ божеству. Боги жили на небѣ, свѣтила находились на небесныхъ сферахъ; значить, поднимаясь отъ земли и приближаясь къ небу, человѣкъ приближается къ богамъ. Кромѣ того при обращеніи съ молитвой человѣку естественно желать видѣть, если не само божество, къ которому онъ обращается съ молитвой, то по крайней мѣрѣ ту область, гдѣ онъ предполагаетъ его преимущественное присутствіе. Этою областью является небо. При развитіи культа идоловъ небо и звѣзды становятся ненужными. Божество или его замѣститель находятся на лицо, но никто не станетъ оспаривать, что въ исторической жизни финикіянъ идола были сравнительно позднѣйшимъ явленіемъ. Поэтому отправление культа на высотахъ предшествовало отправленію его въ храмахъ. Возникновеніе послѣднихъ, конечно, не уничтожило сразу первыхъ. Тѣ и другіе должны

были еще долго существовать совместно. Многочисленные свидѣтельства о высотахъ находятся въ Библии (Иерем. VII, 31; Иезек. XVI, 16; 3 Цар. XIII, 32; 4 Цар. XVII, 9, 29). Первоначально дѣло, должно быть, происходило такимъ образомъ. На скалѣ, холмѣ или горѣ расчищали мѣсто, ставили алтарь изъ необдѣланныхъ камней и на немъ приносили жертвы. Такъ скоро и просто создавались мѣста общественаго богослуженія. Выборъ мѣста опредѣлялся конечно не одними только собственно удобствами, но и тѣмъ, что было около него. При жертвоприношеніяхъ нужна была вода для омовеній, для того, чтобы можно было предаться жертвенному пиру, нужны были тѣнистыя мѣста, т. е. рядомъ съ алтаремъ должны были быть лѣсъ и вода, алтари и воздвигались около истоковъ, ручьевъ, рѣкъ, рощъ и лѣсовъ. Иногда безъ сомнѣнія мѣста становились священными не по своимъ топографическимъ условіямъ, а потому что въ нихъ по мнѣнію финикійцевъ появилась особенная божественная сила. Аэролитъ, упавшій на какое либо мѣсто, освящалъ его и самъ являлся святыней и естественнымъ алтаремъ. Такъ, если съ одной стороны финикіяне сами выбирали веѣили—дома божіи, то съ другой стороны они могли получать указанія, что тѣ или другія мѣста суть веѣили (указываютъ, что никакой семитическій текстъ не говоритъ о священныхъ камняхъ подъ именемъ веѣили, но несомнѣнно, что священный камень считался знакомъ веѣили. Быт. XXVIII, 17—18. Отсюда, естественно заключеніе, что греческое *βαϊτύλιον*, *βαϊτύλος*, обозначавшее священные камни, семитическаго происхожденія). Священные мѣста финикіяне обносили священными оградами. Еще одинъ шагъ—поставленіе навѣсовъ должно было превратить эти мѣста въ храмы. На финикійскихъ храмахъ видятъ преимущественное египетское вліяніе. Но въ сущности они рѣзко отличались отъ египетскихъ храмовъ. Площадь земли огражденная со всѣхъ сторонъ рядомъ или нѣсколькими рядами колоннъ и покрытая кровлей, вотъ—основа финикійскаго храма. Обыкновенно въ задней части такого строенія воздвигалась палатка или небольшое зданіе, въ которомъ помѣщалось изображеніе божества. Это называлось святилищемъ. Во святилище имѣли доступъ лишь жрецы. Тамъ помѣщались предметы нужные для религіозныхъ процессій:

и тамъ былъ архивъ лѣтописей, который велся жрецами (храма Эшмуна въ Кареагенѣ). Въ святилища помѣщались жертвенникъ для принесенія въ жертву животныхъ, чаша для омовеній, жаровня съ постояннымъ огнемъ. Жертвенники вѣроятно были подобны, обычнымъ языческимъ жертвенникамъ. Раввинское преданіе говоритъ, что въ идолѣ Молоха было семь отверстій или семь камеръ, изъ которыхъ въ первую клали пшеничную муку, во вторую—голубей, въ третью—овець, въ четвертую—барановъ, въ пятую — тельцовъ, въ шестую—быковъ, а въ седьмую—дѣтей. Но позволительно усумниться въ достовѣрности этого преданія. Найденная на Кипрѣ статуя Мелькарта не соотвѣтствуетъ этому описанію. Скинія Молохова, о которой говоритъ пророкъ Амосъ (V, 26) тоже не отвѣчаетъ такому представленію о статуѣ Молоха.

Финикійскіе храмы стоятъ въ связи съ храмомъ іерусалимскимъ. Израильскій храмъ истинному Богу былъ построенъ преимущественно изъ финикійскаго матеріала при содѣйствіи финикійскихъ рабочихъ. Въ дѣлѣ этого построенія имѣли большое значеніе три лица, въ имени которыхъ заключалось слово Хирамъ: Хирамъ, царь тирскій, финикійянинъ, Адонирамъ (Адонъ Хирамъ)—еврей, Хирамъ-художникъ-финикійянинъ по отцу и еврей по матери (3 Цар. V, 7—10, 14; VII, 13—14). Значитъ за 1000 лѣтъ до Р. Х. религіозная архитектура получила уже широкое развитіе у финикійянъ. Храмъ Соломоновъ разрушенъ двѣ съ половиною тысячи лѣтъ тому назадъ, но еще доселѣ въ ученіи франкмасоновъ имѣютъ важное значеніе столбы іахинъ и воазъ, молотокъ, ватерпасъ, лопатка и вѣтвь акацій—символы, связанные съ легендою о іерусалимскомъ храмѣ. „Для соблюденія порядка при расчетѣ съ легіонами мастеровъ, подмастерьевъ, мастеровъ и простыхъ учениковъ Адонирамъ раздѣлилъ ихъ на группы, давъ каждой вмѣстѣ съ особеннымъ одѣяніемъ свои пароли и лозунги. Мастерские, завидя мастерамъ и желая получить большую противъ заслуженной плату, задумали образовать отдѣльную шайку констумированную подобно мастерамъ, дабы получить отъ Адонирама болѣе, нежели имъ слѣдовало. Измѣнить одежду было нетрудно. Главное препятствіе было въ пароли и лозунги мастеровъ, неизвѣстныхъ простымъ мастерамъ. При-

нужденные вслѣдствіе этого отказаться отъ хитрости, мастеровые рѣшились тайно убить Адонирама и ограбить казну, бывшую на его попеченіи. Первое имъ удалось. Они умертвили Адонирама, но не могли доискаться, гдѣ у него были спрятаны деньги, ассигнованныя на жалованіе рабочимъ. Досадуя на неудачу и раскаяваясь въ напрасномъ преступленіи, мастеровые зарыли трупъ Адонирама въ грудѣ щебня и извести, помѣтивъ это мѣсто вѣткой акаціи, чтобы послѣ похоронить убитаго. На другой день при первомъ слухѣ объ исчезновеніи Адонирама царь Соломонъ разслалъ на поиски за нимъ нарочныхъ во все концы его царства, еще не зная, жалѣть ли ему о вѣрномъ слугѣ или негодовать на него, какъ на вора. Въ это время левиты, пришедшіе къ царю, доложили ему, что на мѣстѣ строенія храма совершилось чудо: за ночь, на грудѣ сухого щебня выросъ и расцвѣлъ большой кустъ акаціи.... Дѣйствительно, къ удивленію всехъ рабочихъ и къ ужасу убійць, вѣтка акаціи, которую они помѣтили мѣсто погребенія Адонирама, въ одну ночь дала корень и разрослась кустарникомъ. Соломонъ съ левитами и вельможами, придя на мѣсто, не могъ не подивиться, какимъ образомъ на сухомъ щебнѣ и известкѣ могло явиться деревцо; желая убѣдиться съ корнемъ ли оно, царь приказалъ разрыть щебень... Сочные корни, далеко разбѣгая въ глубину, достигали самаго трупа Адонирама. Все присутствовавшіе оцѣпенѣли отъ ужаса, и одинъ изъ левитовъ, взявъ мертвеца за руку, почувствовалъ, что она оторвалась отъ туловища, такъ какъ тѣло отъ пребыванія въ извести начало тлѣть. Макъ бен-акъ! воскликнулъ левитъ, и слова эти означали: тѣло отдѣляется отъ костей. Виновные были найдены и казнены.... Макъ бен-акъ сдѣлалось съ того времени условнымъ лозунгомъ каменщиковъ“ (масоновъ. Аноним. автора-Исторія религій и тайныхъ религіозныхъ обществъ Т. 4-ый стр. 312—313).

Институтъ жрецовъ былъ очень обширенъ у финикянъ, онъ распадался на много классовъ и имѣлъ различныя виды и типы. Во главѣ жрецовъ въ каждомъ мѣстѣ стоялъ верховный жрецъ. Во многихъ мѣстахъ жреческое достоинство было наследственнымъ. Въ Тирѣ верховный жрецъ выбирался изъ царской семьи. Такъ было и во многихъ малоазійскихъ святилищахъ. При такихъ условіяхъ верхов-

ный жрецъ могъ иногда носить даже царскую корону. По мѣстамъ санъ верховнаго жреца былъ пожизненнымъ, по мѣстамъ верховный жрецъ избирался на опредѣленный срокъ. За верховнымъ жрецомъ слѣдовали жрецы. Специальностію однихъ было принесеніе кровавыхъ жертвъ, другіе совершали возліянія, третьи поддерживали священныи огонь и курили благовонія, были жрецы предсказатели. Такъ какъ знать будущее человѣку нужно не только изъ любопытства, но и во имя важныхъ практическихъ расчетовъ (предпринимать ли плаваніе, начинать ли предпріятіе, вести ли войну), то весьма справедливымъ представляется предположеніе Моверса, что въ Тирѣ (а можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ) предсказатели содержались на царскій счетъ (см. 3 Царств. XXII). Число лицъ исполнявшихъ низшія религіозныя обязанности было чрезвычайно велико. Страбонъ въ различныхъ святилищахъ (онъ указываетъ и хеттейскія) насчитываетъ ихъ тысячами. Этимъ числомъ не нужно удивляться, если принять во вниманіе указанія 3 Царствъ, по которымъ при Ахавѣ въ Израильскомъ царствѣ было 450 пророковъ Ваала и 400 пророковъ дубравныхъ (XVIII, 19—22, снеси XXII, 6 и 2 Паралип. XVIII, 5). Геродоты занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ на поляхъ—часто весьма обширныхъ—принадлежавшихъ храму. Были служители, специально занимавшіеся пѣніемъ и музыкой. Они привѣтствовали восходъ и заходъ солнца, они играли и пѣли при жертвоприношеніяхъ и праздникахъ. Были служители, носившіе воду и рубившіе дрова для храмовъ (подобные неінеямъ Ветхаго Завѣта, т. е. рабамъ подареннымъ, отданнымъ Богу. Втор. XXIX, 11; Ис. Нав. IX, 23; 1 Ездры VII, 24). Были женщины, прислужившія при храмахъ, чистившія ихъ, дѣлавшія одѣянія нужныя для храмовъ, идоловъ и процессій.

Особенный типъ религіозныхъ служителей представляли собою кедешимъ и кедешотъ (отъ כַּדְשִׁים—святой, посвященный... въ данномъ случаѣ Венерѣ). Русская библія всегда переводитъ эти имена словами „блудники“ и „блудницы“ (славянская переводитъ различно, иногда даже оставляетъ это названіе безъ перевода 4 Цар. XXIII, 7). Одни изъ нихъ жили при храмахъ (Осін IV, 14), другіе свободно ходили по странѣ. Кедешимъ обыкновенно просили милостыню, кеде-

шоть торговали собою. Обыкновенно имъ платили козленкомъ, какъ жертвой богинѣ (повидимому въ образѣ подобной кедеши явилась нѣкогда Тамаръ Іудѣ. Быт. XXXVIII, 14—17 срав. Быт. XXI, 22 по еврейскому тексту Іерем. III, 2). Женщины, отказывавшіяся принести богинѣ жертву своими волосами, должны были одинъ разъ принять на себя обязанности кедешы. Возможно, что жертва волосами вмѣсто жертвы честию представляла собою замѣну и смягченіе послѣдней. Можетъ быть жертва волосами имѣла и болѣе глубокой смыслъ и болѣе благородное происхожденіе. Она была развита такъ, что существовалъ особый классъ храмовыхъ служителей, занимавшихся исключительно стрижкою волосъ. Особый видъ кедешей представляли собою галлы. Полагаютъ, что имя заимствовано отъ малоазійской рѣки Галлы, воды которой будто-бы приводили въ изстуженное состояніе жрецовъ Астарты. Можетъ быть само слово галлы представляетъ собою опредѣленіе этого состоянія, т. е. равно греческому *Σεοφδορητος*. Были такъ называемые женоподобные галлы. Это галлы лишившіе себя мужской силы. Лукіанъ рассказываетъ, что, совершивши надъ собою ужасную операцію и имѣя въ рукахъ то, что получено отъ нея, галлы вбѣгали въ какой либо домъ, и тамъ были обязаны дать ему женское платье и женскія украшенія.

Наоборотъ, и женщины жрицы облачались иногда въ мужское платье. Это облаченіе въ одежды не соответствующія полу стояло повидимому въ связи съ мыслью о нѣкоторой двухполости (гермофрадитизмъ) въ божествѣ.

Однимъ изъ распространенныхъ способовъ выраженія богопочитанія у финикіянъ было поставленіе стелъ, столбовъ болѣе или менѣе грандіозныхъ и художественно устроенныхъ съ надписями, говорящими, что эти памятники посвящаются тому или иному божеству. Вотъ образецъ такихъ votивныхъ надписей (финикійскія буквы здѣсь замѣнены еврейскими) на финикійскомъ и латинскомъ языкахъ.

לרבת להנהול	Dominae Tanaiti et Ba-
בעלן לארן לב	ali nostro, domino, Ba-
על המן אש נד	ali Nhammano vir vo-
ד גועשתרה	vens Gad-Astoreth
קר עברמרקר	scriba, filius Abd-Melcar.

Постояннымъ способомъ выраженія богопочитанія, какъ и вездѣ, у финикіянъ была жертва. Важнѣйшимъ даннымъ для составленія о нихъ понятія является массилійская надпись, найденная въ 1845 г. и содержащая опредѣленія относительно платы за жертвы. Она не вполне сохранилась и ее дополняютъ по найденной подобной же таблицѣ въ Кароагенѣ, хотя за всѣмъ тѣмъ остаются еще проблематическія мѣста. Недавно найдена еще таблица жертвеннаго тарифа на Кипрѣ. Эти таблицы, написанныя на камняхъ, несомнѣнно были помѣщаемы на видныхъ мѣстахъ при входѣ въ храмъ, чтобы желающіе приносить жертвы могли ими руководствоваться. Вотъ—текстъ массилійской надписи. „Въ храмѣ Ваала должна существовать слѣдующая плата за жертвы, которая утверждена (въ правленіе) суффета... ваала, сынъ Бодъ-танита, сына Бодъ (Эшмуна и въ правленіе Хальци-Ваала) суффета, сынъ Бодъ Эшлира сына Хальци-Ваала и (ихъ совѣта). За быка будетъ ли это всесожженіе, или просительная жертва или полная благодарственная жертва—жрецы (должны получать) десять секелей серебра за каждую штуку скота. И при жертвѣ всесожженія жрецы, кромѣ того должны получить (300 секелей мяса вѣсомъ). И при просительной жертвѣ они кромѣ этого получаютъ 𐤏𐤅𐤄 (предположительный переводъ: мелкія части) и 𐤏𐤃𐤁 (предположительный переводъ: жареное мясо), но кожа и заднія части и ноги и остальное мясо должны принадлежать жертвователю. За 𐤃𐤁 (не вполне выросшій быкъ) который уже имѣетъ рога, но еще не вполне крѣпкіе, и который уже началъ работать, или за оленя при всесожженіи—будетъ ли это просительная жертва или полная благодарственная жертва—уплачиваютъ жрецамъ пять секелей серебра (за каждую штуку скота и при всесожженіи) должны кромѣ того получить 150 секелей вѣсомъ мяса и при просительной жертвѣ мелкія части (?) и жареное мясо (?), но кожа и заднія части и ноги должны принадлежать жертвователю. За овцу или козу при всесожженіи—будетъ ли это просительная или полная благодарственная жертва — жрецы (должны получать секель серебра и два цара за каждое животное и при просительной жертвѣ кромѣ этого имъ должны принадлежать мелкія части (?) и жареное мясо (?), но кожа и заднія части и ноги и остальное мясо должны принадле-

жать жертвователю. За ягненка или за молоденькую козу или за маленькую козулю при всесожженіи—будетъ ли это просительная или полная благодарственная жертва—жрецы (должны получать) три четверти секеля серебра и (два) цара (за каждое животное и въ случаѣ просительной жертвы они должны получать) вмѣстѣ съ этимъ мелкія части (?) и жареное мясо (?), но кожа и заднія части и ноги и остальное мясо должны принадлежать жертвователю. За птицу — все равно домашнюю или дикую при всесожженіи будетъ ли это אֶזְרָא или אֶזְרָא (два различные рода жертвы?) жрецы (должны получать) три четверти секеля серебра и два цара за каждую птицу и (кромѣ того много мяса). За птицу или за жертву перворожденного какого бы то ни было животного или за хлѣбную жертву или за жертву масла жрецы (должны получать) десять монетъ за каждую. Во всякомъ случаѣ просительной жертвы, которая приносится богамъ, долженъ жрецъ получать мелкія части (?) и жареное мясо (?) и при просительной жертвѣ... и за пироги и за молоко и за жиръ, и за всякую жертву безъ крови, которую кто либо приноситъ... И при всякой жертвѣ, которую приносить какой-либо человекъ бѣдный скотомъ или птицею, жрецы ничего не должны получать... Все прокаженное, порченное или больное запрещается. И каждый долженъ изъ того, что онъ жертвуетъ (?)..... кровь убитаго. Плата за каждую жертву должна быть сообразна съ тѣмъ, что утверждено въ этомъ объявленіи... Что касается всякой другой жертвы, относительно которой нѣтъ предписаній на этой таблицѣ, и которая совершается не согласно съ опредѣленіями, которыя (опубликованы въ правленіе... ваала, сына Бодъ-Гавита) и Бодъ-Эшмуна, сына Хальци-Ваала и ихъ совѣта, каждый жрецъ принимающій жертву, которая неопредѣлена въ написанномъ на этой таблицѣ, долженъ быть наказанъ.... Что касается до жертвоприносителя, который не уплатитъ за жертву (ея цѣны, тотъ также долженъ быть наказанъ?)“.

Кипрскіе камни представляютъ собою счета по уплатѣ на одной сторонѣ въ мѣсяцъ Этанимъ, на другой—въ мѣсяцъ Пеулатъ. „Плата въ мѣсяцъ Этанимъ, въ новолуніе мѣсяца Этанимъ, богамъ новолунія два... Строителямъ, которые строили храмъ Астареть, каждому дому... Хранителямъ святилища и надсмотрщикамъ храма Резефа 20... людямъ, ко-

торые ходять за скотомъ въ присутствіи святой царицы въ этотъ день... За двухъ мальчиковъ... за двѣ жертвы... Двумъ пекарямъ, которые пекли пироги для святой царицы. Тому, кто стригъ, за его дѣло, два... десяти каменщикамъ, которые строили фундаментъ и храмъ солнечнаго бога. Эбедъ Эшмуну, главному писцу, который посланъ былъ въ этотъ день, три... За собаку и ея щенятъ"... На другой сторонѣ написано: „Въ новолуніе мѣсяца Пеулата. Богамъ новолунія два... владыкамъ дня... благовонія и мирную жертву... Для идоловъ въ храмѣ солнечнаго бога и другихъ боговъ... Для Карагенскаго Эбедъ-баста. Человѣку, который купилъ высохшія растенія (?)... Пастухамъ страны два... ..Главной пѣвицѣ (альма) и 22 дѣвамъ (аламотъ) съ жертвою... За собаку и ея щенятъ три??.

Эти темные докумены, безъ сомнѣнія, не были бы даже переведены, тѣмъ болѣе истолкованы безъ помощи библіи и затѣмъ другихъ семитическихъ памятниковъ. Какіе это пироги или хлѣбы небесной царицѣ? Конечно, тѣ, о которыхъ говорилъ пророкъ Іеремія (VII, 18; XLIV, 19). О какой говорится здѣсь платѣ за собаку? О той, которая запрещена во Второзаконіи (XXIII, 18). Какимъ брадобрѣямъ устанавливается плача? Производящимъ стрижку запрещенную въ книгѣ Левитъ (XIX, 27).

Очевидно, жертвы дѣлились на нѣсколько типовъ. Несомнѣнно, первое мѣсто занимала жертва всесожженія. Она имѣла нѣсколько видовъ. Жертва просительная всегда вмѣстѣ съ тѣмъ была жертвой всесожженія, жертва благодарственная могла быть и не быть всесожженіемъ. Была жертва мирная. Были жертвы безъ крови. Жертвы изъ птицъ, надо полагать имѣли характеръ гадательный. Были жертвы, о которыхъ и не говорятъ, приведенные тексты и которыя представляли собою, такъ сказать, самопожертвованіе: жертвовали волосами, честью, мужскою силою, обрѣзывались, уродывались. Важные моменты и событія жизни заставляли финикіянъ приносить жертвы по личной инициативѣ и уплачивать за нихъ по опредѣленной таксѣ. Высокія цѣны марсельскаго тарифа заставляютъ заключать, что и животныя и вообще матеріаль жертвъ продавались при храмѣ. Безъ сомнѣнія эта такса не только за совершеніе, но и за матеріаль для обряда. Кромѣ жертвъ личныхъ были постоянныя

храмовыя жертвы—вечернія и утреннія, въ новолуніе и полнолуніе, въ счастливые дни (ваалеймигѣ), во дни весеннихъ и осеннихъ торжествъ, во дни воспоминаній особенныхъ событий, явленій и дѣйствій божества. На марсельской таблицѣ не говорится о человѣческихъ жертвахъ, въ концѣ тарифа даже утверждается, что совершеніе незаконныхъ жертвъ будетъ преслѣдоваться, но на кипрскихъ счетахъ есть какое то загадочное упоминаніе о двухъ мальчикахъ. Фактъ человѣческихъ жертвоприношеній въ Финикии не сомнѣненъ. Полагаютъ, что на марсельской таблицѣ сказалось гуманизирующее европейское вліяніе. Но происхожденіе этой таблицы относятся къ VI-ому вѣку до Р. Х., когда едва ли Эллада и Римъ могли вліять на народы облагораживающимъ образомъ. Поэтому не лучше ли и не проще ли предположить, что человѣческія жертвоприношенія не числились въ ряду жертвъ, онѣ были жертвами необычными, которыя вызывались необычайными событиями. Ужасныя бѣдствія, свидѣтельствовавшія о необычномъ гнѣвѣ боговъ, требовали необычныхъ жертвъ для ихъ умилоствленія, великія предпріятія тоже требовали великихъ жертвъ для сонсканія благосклоннаго содѣйствія божествъ. За великія удачи тоже должно было платить великими жертвами. Принесеніе въ жертву плѣнниковъ, рабовъ, конечно не было еще великой жертвой. Рабы также, какъ и скоть, представляютъ собою нѣчто, за что должно платить по таксѣ. Великою жертвою являлось пожертвованіе богамъ сыновей и дочерей. Вѣроу, что богамъ нужны подобныя ужасныя жертвы, повидимому, руководился Ахиллъ вевилянимъ при возстановленіи Іерихона (3 Цар. XVI, 34; ср. Ис. Нав. VI, 25).

5.

У египтянъ въ культѣ преобладающее мѣсто занимали заботы о посмертной участи усопшаго. У народовъ семитическихъ невидно, чтобы область по ту сторону бытія была предметомъ большихъ ихъ заботъ въ этомъ бытіи. Финикияне въ этомъ отношеніи не представляютъ исключенія. Ничего не извѣстно объ ихъ погребальныхъ обрядахъ, о поминовеніи или ихъ умершихъ. За всѣмъ тѣмъ рядъ данныхъ позволяетъ заключать почти съ несомнѣнностію, что они приз-

навали посмертное существованіе человѣка, что они представляли его подобнымъ земному, что сравнительное посмертное благополучіе они ставили въ связь съ тѣмъ, какъ человѣкъ провелъ жизнь и съ тѣмъ, какъ другіе позаботились и отнеслись къ нему по смерти. Наконецъ, должно думать, финикіяне признавали возможность взаимообщенія между живыми и умершими. Обыкновенно подчеркиваютъ мрачный и жестокій культъ финикійскихъ жертвъ, но возможенъ ли такой культъ, еслибы въ основѣ его не лежали какія-либо свѣтлыя надежды? На полученіе какой награды рассчитывалъ галль-евнухъ, лишивъ себя мужской силы? Какого счастья ждалъ для себя и сына человѣкъ, приносившій этого сына на алтарь Молоха? Уродуя себя, лишая себя потомства или даже возможности имѣть его, финикіянинъ, конечно, понималъ, что на землѣ онъ не получитъ достойнаго возмездія за свою жертву. Его должна была руководить мысль о наградѣ посмертной. Финикійскіе писатели называютъ въ ряду божествъ Прозерпину и Плутона (Мута). Это — названія божествъ ада, божествъ загробнаго міра. У финикіянь были праздники воскресенія боговъ: праздникъ воскресенія Адониса, праздникъ воскресенія Геракла (послѣдній совершался при началѣ весны въ мѣсяцѣ Перити и повидимому съ этимъ празднованіемъ связана исторія Или въ 3 Царств. XVIII). Въ этихъ праздникахъ хотя и видѣть лишь стихійный характеръ — побѣду весны надъ зимою, жизни надъ смертію, но на самомъ дѣлѣ въ этомъ случаѣ у финикіянь, какъ и другихъ народовъ, явленія природы давали только возможность въ конкретной формѣ выразить нравственныя идеи: въ мірѣ существуетъ добро и зло, они борются, между собою, временно можетъ побѣждать зло, но окончательное торжество принадлежитъ добру. Смерть, это — торжество зла, но послѣ смерти можетъ еще произойти воскресеніе. Найдено много финикійскихъ гробовъ и найдены надгробныя надписи Табнита и Эшмуназара — царей сидонскихъ. Полагаютъ, что Табнитъ — отецъ Эшмуназара, и время Эшмуназара относятъ къ IV вѣку, разноглася относительно болѣе точнаго опредѣленія даты. Надпись Эшмуназара изучена тщательно (надпись Табнита имѣетъ подобное же содержаніе), но это изученіе дало лишь отрицательные результаты. Подобно тому, какъ въ нѣкоторыхъ египетскихъ надписяхъ,

въ ней слышится глубокая скорбь по земной жизни и невидимо никакихъ свѣтлыхъ ожиданій относительно будущаго. Надпись содержитъ въ себѣ обращеніе отъ лица Эшмуназара. „Я покоюсь въ этомъ каменномъ заключеніи, въ этой пещерѣ, въ этомъ саркофагѣ, который я построилъ. Я заклинаю всякаго человѣка царскаго или обыкновеннаго рода не открывать саркофага, чтобы искать въ немъ сокровищъ, въ немъ нѣтъ сокровищъ. (Я заклинаю) не разрушать каменнаго заключенія, въ которомъ находится мой саркофагъ, не тревожить у меня въ моемъ саркофагѣ сводчатой комнаты втораго саркофага“. Но повидимому тѣ, которые составляли надпись отъ имени царя, не были увѣрены, что достаточно заявленія покойника, что въ его гробѣ нѣтъ сокровищъ, для того, чтобы отнять у воровъ охоту самимъ повѣрить это заявленіе. Финикійскія раскопки новѣйшаго времени показываетъ, что эта неувѣренность имѣла для себя серьезныя основанія. Гроба большею частію оказываются разграбленными, но что любопытнѣе всего, что и сами они по крайней мѣрѣ—нѣкоторые оказываются воровскаго происхожденія. Нѣкоторые изъ нихъ египетскаго происхожденія. Затѣмъ, должно сказать, что на всѣхъ ихъ сказалось египетское вліяніе. Гробы антропоморфны, т. е. имѣютъ видъ человѣка муміи—типъ египетскій. Заботясь о сохраненіи гроба Эшмуназара, устроившіе его гробъ устрашаютъ любителей разслѣдованій въ гробахъ слѣдующими словами. „Всякій человѣкъ, который откроетъ сводъ этого саркофага или который потревожитъ камеру моего саркофага или который потревожитъ меня въ моемъ саркофагѣ“ (надо полагать: будетъ жестоко наказанъ). Почти буквально тѣ же заклинанія повторяются въ послѣднихъ словахъ надписи, Эшмуназаръ призываетъ Ваала Сидонскаго, Астарту Шем-Ваала, лечителя Эшмуна и ихъ храмы во свидѣтели, что, кто потревожитъ его гробъ, тотъ самъ будетъ наказанъ за это кощунство, его дѣти погибнуть и самъ онъ будетъ лишенъ мира въ своемъ послѣднемъ снѣ, такъ какъ не уважилъ покоя въ гробѣ другаго. Эшмуназаръ перечисляетъ въ своей надписи заслуги свое и передъ богами, шлетъ отчаянныя жалобы: жизнь моя преждевременно отнята у меня, величію моему насталь конецъ, и вотъ я достойный лишь скорби лежу мертвымъ. Хотя надпись Эшмуназара относится къ IV вѣку, но нѣтъ никакихъ

основаній сомнѣваться въ томъ, что Эшмуназаръ погребенъ по обычаю своихъ предковъ и что на его гробъ можно видѣть обычаи, державшіеся столѣтія. Финикійскіе гробы находятъ теперь не только въ Финикіи, но и во многихъ мѣстахъ европейскихъ, азіатскихъ и африканскихъ побережій. Проводившіе жизнь въ странствованіяхъ финикіяне, понятно, не рѣдко умирали далеко отъ дома. Понятно, что въ дали отъ родины финикіянамъ приходилось измѣнять архитектуру гробовыхъ построекъ и приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ, но основнымъ типомъ погребальныхъ жилищъ у финикіянъ вообще былъ такой: покойнику готовляли пещеру, каменный саркофагъ и деревянные гроба. Устраивались фамилныя пещеры, ставились памятники. Съ покойникомъ ставили и клали предметы, нужныя ему въ обычной жизни, полагали драгоценности, амулеты, вазы съ благовопіями, бѣлье, посуду. Полагаютъ, что клали пищу, но прямыхъ указаній этого не найдено. Этотъ способъ погребенія указываетъ, что финикіяне, какъ и египтяне, представляли себѣ, что въ загробномъ существованіи человѣку нужны тѣ же предметы, которые нужны ему на землѣ. Та настойчивая заботливость о сохраненіи гроба, которая слышится въ надписи Эшмуназара, заставляетъ предполагать, что это сохраненіе ставилось въ связь съ посмертнымъ благополучіемъ покойника. Египетскія представленія могутъ послужить въ данномъ случаѣ комментариемъ къ финикійскимъ обычаямъ. Готовность приносить богамъ тяжкія и страшныя жертвы тоже, очевидно, предполагаетъ собою надежду на загробную расплату.

Представляя себѣ загробную жизнь подобную земной, финикіяне — полагаютъ — думали, что между тѣмъ и настоящимъ міромъ возможно общеніе на землѣ, что живые могутъ тревожить тѣни усопшихъ и могутъ пользоваться ихъ указаніями для своихъ выгодъ. Это предположеніе относительно финикіянъ основывается отчасти на аналогіяхъ и главнымъ образомъ на нѣкоторыхъ запрещеніяхъ библіи, относительно которыхъ заключаютъ, что они были направлены противъ финикійскихъ обычаевъ. Въ XIX, 31 Левит. повелѣваетъ: „не обращайтесь къ вызывающимъ мертвыхъ и къ волшебникамъ не ходите“. То же самое повелѣніе повторяется въ XX, 6 ст. причемъ оно поставлено въ связь

съ запрещеніемъ служить Молоху и слѣдовать оргіастическимъ культамъ (ст. 6 и предыдущіе). Во второзаконіи XVIII, 11 опять повторяется запрещеніе обращаться къ вопрошающимъ мертвыхъ, ему предшествуетъ здѣсь запрещеніе имѣть въ своей средѣ проводящихъ дѣтей своихъ чрезъ огонь. Галеви обратилъ вниманіе на XXVI, 14 ст. второзаконія: „я не ѣлъ отъ нея (святыни, имѣвшейя въ моемъ домѣ) въ печали моеи, и не отдѣлялъ ея въ нечистотѣ, и не давалъ изъ нея для мертваго“. Подъ святынею здѣсь разумѣлась десятина отъ начатковъ, которая въ третій годъ отдавалась левиту, пришельцу, сиротѣ и вдовѣ (12). Слова „не давалъ изъ нея для мертваго“ ясно указываютъ на существованіе обычая дѣлать приношенія пищи мертвецамъ. Изъ текста и контекста нельзя заключать съ необходимостію, что въ данномъ мѣстѣ имѣется въ виду финикійскій обычай. Группа изслѣдователей рачіоналистическаго направленія приходитъ къ этому утвержденію своеобразнымъ путемъ. Второзаконіе, говорятъ, написано при послѣднихъ царяхъ Іудей, тогда представители закона вели упорную борьбу съ языческими и въ частности—пожалуй, даже преимущественнымъ образомъ—финикійскими обычаями, отсюда, естественно заключеніе, что и данное запрещеніе направляется противъ финикійскаго обряда. Но когда поднимается вопросъ о времени происхожденія второзаконія, данный текстъ вмѣстѣ съ другими, какъ направляющійся противъ финикіянъ, является указаніемъ на седьмой вѣкъ даже послѣднюю четверть этого вѣка. Не веѣмъ подобная аргументація покажется убѣдительною. Здѣсь есть нѣчто близкое (не говоримъ совершенно тождественное) къ тому, что называется логическимъ кругомъ и здѣсь упускается изъ виду, что финикійскія колоніи существовали въ Палестинѣ въ эпоху Моисея и Иисуса Навина, что Саулъ началъ свое царствованіе съ преслѣдованія вызывателей мертвыхъ, а кончилъ тѣмъ, что самъ обратился къ одной изъ такихъ вызывательницъ (1 Цар. XXVIII). Вызываніе мертвыхъ естественно предположить связаннымъ съ приношеніемъ мертвымъ. Послѣднія книги царствъ, вообще документы VIII—VII в.в. не говорятъ о подобныхъ вызываніяхъ. Нѣтъ указаній, чтобы они въ эту эпоху происходили у финикіянъ. Финикійская религія связана съ египетскою. Представленія о загробномъ

мірѣ, отвѣчающія обычаю вызывать усопшихъ, и здѣсь отходятъ въ далекое прошлое. Тоже должно полагать и о Халдеѣ. Конечно, въ низшихъ слояхъ населенія могли держаться какія угодно воззрѣнія, но въ слояхъ болѣе развитыхъ культурно некромантія должна отступать на задній планъ. Въ эпоху Моисея и Иисуса Навина многовызывателей усопшихъ должно было существовать въ Нильской долині, на Синайскомъ полуостровѣ, въ передней Азіи, но 900—800 лѣтъ спустя число ихъ должно было значительно уменьшиться. Конечно, не въ эту позднюю пору долженъ былъ явиться законъ, преслѣдующій это вызываніе, законъ который за много столѣтій ранѣе пытался такъ ревностно осуществить Саулъ.

Религію называютъ санкціонированной моралью. Какую же мораль санкціонировала религія финикіянъ? Недобрую память сохранили по себѣ финикіяне по южнымъ побережьямъ Европы и Малой Азіи. Геродотъ свою исторію начинаетъ съ повѣствованія о вѣроломномъ и безчестномъ похищеніи Іо финикіянами, греки считали ихъ жадными и безжалостными обманщиками, въ произведеніяхъ римлянъ *fides pupica*, представляется какъ крайняя степень вѣроломства. Однако, если обратиться къ религіи финикіянъ, то здѣсь за образами жестокихъ и чувственныхъ боговъ можно найдти благородныя и возвышенныя идеи. Божество Сидикъ или Седекъ (Мельхиседекъ-царь правды), т. е. справедливость, правда было отцомъ Кабировъ. Финикійская космогонія знаетъ божество любви. Финикійскій культъ признаетъ право на существованіе за безмѣрною скорбью. Горе и скорбь вслѣдствіе смерти Адониса, несомнѣнно имѣютъ въ себѣ этическую основу. Жертвы и самопожертвованіе свидѣтельствуютъ также о могучемъ нравственномъ духѣ. Историки крайне неблагоприятствующіе финикіянамъ свидѣтельствуютъ намъ о нихъ, что они были трудолюбивы, предприимчивы, смѣлы. Но и нравственное пониманіе и добрыя качества духа ступшевываются и меркнутъ предъ темными сторонами ихъ характера. Финикіяне были купцами. Страсть, овладѣвающая купцами извѣстна. Это-корыстолюбіе. Оно ужасно тѣмъ, что помѣрѣ того, какъ развивается, заглушаетъ всѣ благородныя и добрыя качества сердца. И въ современной торговлѣ обманъ играетъ крупную роль, въ древнемъ мірѣ обманъ

былъ существеннымъ рычагомъ торговли. Кромѣ обмана для удовлетворенія корыстолюбія требуется безжалостность. Если будешь жалѣть бѣдныхъ, упускать случаи овладѣть чужимъ, не наживешь много. Такъ думаютъ многіе въ настоящее время, въ древности такъ думали почти всѣ. Корыстолюбіе развиваетъ жестокость. Въ началѣ европейцы были гораздо менѣе культурны, чѣмъ финикіяне. Послѣдніе и обманывали ихъ самымъ жестокимъ и безсовѣстнымъ образомъ. Но ихъ нравственное огрубѣніе само въ себѣ заключало для нихъ кару. По своему образу они стали истолковывать своихъ боговъ. Корыстолюбіе, безжалостность и жестокость они приписали и имъ. Жестокіе, какъ купцы, финикіяне въ тоже время любили роскошь и чувственность, какъ люди востока, какъ семиты. *И эти черты перенеслися на боговъ.* Такъ, финикіяне сами надъ собой создали жестокихъ тирановъ, которымъ и приносили мучительныя и тяжкія жертвы. Это—въ эпоху могущества и блеска Финикіи и финикійскихъ колоній. Но исторія показываетъ намъ, что надъ ними былъ совершенъ и иной высшій нравственный судъ. Они, какъ корыстолюбивые купцы, стремились отнять все у другихъ и кончили тѣмъ, что погибли, отдавъ все другимъ. Они передали культуру европейскимъ народамъ, а европейскіе народы уничтожили ихъ.

Финикіяне были близки съ евреями. Пытаются утвердить между ними и фактъ религіозной близости. Говорятъ, что вѣрованія евреевъ въ первое время поселенія ихъ въ Палестинѣ, не отличались отъ финикійскихъ, и что только впоследствии возникло и развилось ихъ религіозное раздѣленіе. Финикіяне, сосредоточивъ всѣ свои духовныя силы на торговыхъ интересахъ, не пошли впередъ въ религіозномъ развитіи, у евреевъ напротивъ имѣла мѣсто быстрая религіозная эволюція, закончившаяся утвержденіемъ чистаго монотеизма. Въ этой теоріи истина тѣсно переплетена съ заблужденіемъ. Поэтому, кто отвергаетъ ее всецѣло, тотъ самъ впадаетъ въ заблужденіе, но кто принимаетъ ее всецѣло, тотъ принимаетъ чисто рационалистическое воззрѣніе. Въ этой теоріи должно разобраться. Для этой цѣли должно установить различіе между прогрессомъ культурнымъ и прогрессомъ религіозно-нравственнымъ и затѣмъ между судьбами Откровенія и судьбами еврейскаго народа. Куль-

турное развитіе на пространствѣ вѣковъ имѣло мѣсто у финикіянъ. Страбонъ называетъ какого-то древняго финикійскаго философа Моха будто бы основателя атомизма. Въ Кареагенѣ извѣстенъ географъ Магонъ, несомнѣнно тамъ были историки, былъ тамъ философъ Аструбаль Клитомахъ. Эти имена дошли до насъ, но несомнѣнно тамъ существовали и многіе иные, имена которыхъ погибли. Однако вмѣстѣ съ этимъ культурнымъ развитіемъ не шло параллельно религіозное развитіе. Тиле, сторонникъ изложеннаго рационалистическаго взгляда на судьбы финикійской и еврейской религіи, сознается, что древніе финикійскіе культы были менѣе жестоки и суровы, чѣмъ культы позднѣйшіе. Такъ, на самомъ дѣлѣ онъ констатируетъ у финикіянъ не фактъ религіозной неподвижности, а фактъ религіознаго регресса. Съ другой стороны, кто бы и чтобы ни говорилъ, ученіе о единомъ Богѣ-всемогущемъ творцѣ и промыслителѣ было у евреевъ въ эпоху Моисея, но оно въ своей полной ясности и опредѣленности было воспринято далеко сознаниемъ не всѣхъ евреевъ. Отсюда не мало евреевъ увлекалось финикійскими обычаями и несомнѣнно, что въ первое время по переселеніи евреевъ въ Палестину такихъ увлекающихся было гораздо больше, чѣмъ въ іудейскомъ царствѣ въ предплѣнное время. Человѣческая слабость могла толкнуть Соломона (3 Цар. XI, 5) или Іуду (Быт. XXXVIII, 15—17) на путь порочныхъ культовъ, суевѣрное корыстолюбіе могло пожертвовать даже сыномъ въ пользу божества покровительствующаго торговлѣ, но рядомъ съ этими слабостями и страстями существовало сознаніе истинной правды (Быт. XXXVIII, 26; 3 Цар. VIII, 23—53). Это сознаніе постепенно глубже и сильнѣе вкоренялось въ еврейхъ, и въ эпоху вавилонскаго плѣна богосознаніе народа возвысилось до того, что исключило возможность слѣдовать нечистымъ-чувственнымъ и жестокимъ языческимъ культамъ.

Говорятъ, что евреи въ средніе вѣка были такими же безжалостными и нестѣсняющимися правдой торговцами, какими были финикіяне въ древности. Только условія складывались не всегда благопріятно для евреевъ. Противъ нихъ поднималось раздраженіе и негодованіе массъ. Въ средніе вѣка это происходило особенно часто, но это имѣло мѣсто уже и въ древности, было и во дни Клавдія въ Римѣ,

бываетъ это и въ настоящіе дни. И теперь при этомъ не хотятъ часто видѣть, что дали хорошаго евреи, и въ прошедшемъ упускаютъ изъ вида, что дали финикіяне. Евреи дали міру нравственную правду, финикіяне дали культуру. Кто знаетъ, сколько вѣковъ понадобилось бы грекамъ для того, чтобы путемъ собственной самостоятельности подняться до эпохи Перикла? Имъ въ ихъ первыхъ шагахъ помогли финикіяне. Но на финикійскихъ корабляхъ бывали и евреи, бывали, конечно, и евреизированные финикіяне. Если для всѣхъ такіе корабли привозили культуру и произведенія культуры, то для отдѣльныхъ—наиболѣе чуткихъ нравственныхъ личностей—названныя лица произвели религиозно-нравственную правду. Это былъ одинъ изъ путей, которымъ сѣмена нравственной правды разсѣвались по міру. Нѣкоторые апологеты древности представляли себѣ, что изъ этихъ сѣмянъ развились сравнительно возвышенныя идеи о божествѣ въ классической философій. Такое представленіе не можетъ быть правильнымъ. Философія можетъ приготовить почву для принятія религіи, въ нѣкоторой мѣрѣ такое значеніе имѣла и классическая философія, но религія, если она выражается въ философію, погибаетъ. Дѣйствительная религія есть практика жизни. Она есть то, во что вѣруеть сердце и что исповѣдуется словами и дѣломъ. Древніе семиты не были склонны къ философій, но они были сильны въ религиозной практикѣ. Съ различными формами ея знакомили финикіяне древнихъ обитателей побережья Средиземнаго моря, и въ ряду этихъ религиозныхъ формъ жизни должны были быть и еврейскія.

С. Глаголевъ.
